

УДК 008
ББК 63.3(0)4

Андрей Анатольевич Сычев,
доктор философских наук, профессор,
Мордовский государственный университет
(430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68)
e-mail: sychevaa@mail.ru

Скандал на маргиналиях средневековой культуры¹

В статье рассмотрен феномен скандала в контексте средневековой культуры. Автор показывает, что в эпоху Средневековья место для скандала как ненормативного феномена могло найтись лишь на полях официальной культуры: на периферийном пространстве, где господствующее мировоззрение сталкивалось с чем-то непривычным, а культура переходила в антикультуру.

Внешние временные границы Средневековья проходили по линиям разлома между христианской цивилизацией, античностью и Новым временем. Автор показывает, что период упадка античности и эпоха Ренессанса изобиловали скандальными ситуациями. Что же касается самого периода Средневековья, то на всём его протяжении скандалы были явлением редким. Внутренние (календарные) временные границы Средневековья пролегли между циклично сменявшимися друг друга периодами официальной и праздничной жизни. На границах официального времени оформился феномен карнавала, который был интегральной частью средневековой жизни, а скандальность являлась частью карнавала, обеспечивавшей его динамику и изменчивость.

Внешние пространственные границы культуры Средневековья проходили по линиям столкновения с чужими традициями. Обычаи и образ жизни народов далёких стран описывались в фантастических образах, а поведение соседей описывалось как аморальное – распущенное и агрессивное. Внутренние границы культурного пространства проходили по линиям столкновения догматов официальной культуры с иномыслием. Еретики и ведьмы обвинялись в связях с нечистой силой, тайных заговорах против истинной веры и т. д.

Автор делает вывод, что для традиционной культуры граница – единственно возможное пространство для появления нового, изменения и развития. На ней постоянно сталкиваются смыслы и разрушается всякая определённость. Только на маргиналиях скандал имел право на существование. Именно здесь он и мог реализоваться в полной мере, поскольку всякий скандал, по своей сути, является провокацией и трансгрессией – нарушением официально предписанных границ.

Ключевые слова: скандал, маргинальность, провокация, средневековая культура, граница, трансгрессия.

Andrey Anatolievich Sychev,
Doctor of Philosophy, Professor,
Mordovia State University
(58 Bolshevistskaya St., Saransk, Russia, 430005)
e-mail: sychevaa@mail.ru

Scandal on the Marginalia of Medieval Culture²

The article deals with the phenomenon of scandal in the context of medieval culture. The author shows that in the Middle Ages the place for the scandal as a deviant phenomenon could be found only in the marginalia of official culture (a peripheral space where the dominant worldview were facing with something unfamiliar, and culture were transforming to anti-culture).

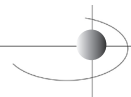
External temporal borders of the Middle Ages were the fracture lines between Christian civilization, ancient and modern times. The author shows that the period of the decline of antiquity and the age of Renaissance abounded in scandalous situations. From the other side throughout the period of the Middle Ages the scandals were comparatively rare phenomena. Internal (calendar) temporal boundaries of the Middle Age culture ran between cyclical successive periods of official and informal life. At the boundaries of official time the phenomenon of carnival was formed. Carnival was an integral part of medieval life and scandalous was a part of carnival, which contributed to dynamics and variability of culture.

External spatial boundaries of culture of the Middle Ages ran along the lines of collision with traditions of strangers. The lifestyle of peoples of distant lands described in a fantastic way and the behavior of neighbors described as immoral: dissolute and aggressive. Internal spatial borders marked the lines of collision of official culture with the dissent.

Keywords: scandal, marginality, provocation, medieval culture, border, transgression.

¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ № 15–03–00059-а

² The research is performed within the RHSF project N 15–03–00059-а

Эпоха Средневековья отличалась низким темпом изменений и монотонностью повседневной деятельности. Различия в культуре были сглажены до предела. Среднестатистический человек всю жизнь проводил на ограниченной территории, общаясь с небольшим количеством людей, которые имели сходные с ним представления о мире, исповедовали одну религию и придерживались тех же обычаев. Механическая солидарность, основанная на единообразии, обеспечивала низкий уровень конфликтности и способствовала консолидации коллектива. Всё, что считалось чужим и опасным для сохранения социальной однородности, вытеснялось из центра культуры на её периферию.

Средневековье было временем чётких границ между своим и чужим. Государства были раздроблены на феодальные вотчины, относительно независимые друг от друга и от политического центра. Горизонт познаний и потребностей человека ограничивался стенами замка, монастыря, городского квартала или межами поля. Сословные различия были непреодолимы, а переход из одного сословия в другое – предельно затруднён. В общественной жизни было чётко определено, что дозволено, а что нет. Для всего строя мышления средневекового человека была характерна яркая контрастность, чёткие границы между белым и чёрным, злом и добром, истиной и ложью. Положительный полюс этих оппозиций устойчиво ассоциировался со своим, а отрицательный – с чужим. Чужим, в свою очередь, признавалось всё, что выходило за пределы узкого кругозора человека.

Реальные или символические границы очерчивали пространство значимых элементов средневековой культуры. На них выносилось то, что не соответствовало общепринятым канонам. Только здесь, на пограничье официальной культуры, где властный контроль был ослаблен, всё чужое, непонятное, странное могло состояться и проявить себя.

На страницах средневековых церковных рукописей центральное пространство, где располагался официальный текст, оформлялось согласно строгим каноническим правилам: вольности здесь были недопустимы. Поля страницы – маргиналии – оформлялись по усмотрению переписчиков. Обычно они были заполнены рисунками, имевшими бытовой, смеховой или фантастический характер. В этих изображениях «доминируют разного рода уродства и невероятности: рука, переходящая в ногу, перекрученная (или завязанная узлом) шея человека, соединённый с челове-

ческой рукой заяц, вырастающее из головы крыло, ... причудливые и жуткие гибриды людей, птиц, змей, музыкальных инструментов и т. д. ... Фигуры как бы враждебны тексту и по-своему с ним борются» [6, с. 6]. Эти фигуры по своему духу соответствуют периферийным образам из других областей искусства, например химерам готических храмов.

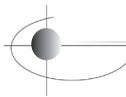
Место для скандала как для чего-то столь же безобразного, уродливого, искажённого в лучшем случае могло найтись лишь на полях официальной культуры. Эти маргиналии можно понимать предельно широко: как отдалённое от центра пространство, где господствующее мировоззрение сталкивалось с чем-то непривычным, ненормальным. Здесь культура переходила в своё инобытие, в антикультуру. Фактически средневековый скандал как выражение ненормативности мог состояться лишь на границах Средневековья: внешних и внутренних, временных и пространственных.

Границы Средневековья во *времени* проходили по линиям разлома между античной и христианской цивилизациями, а затем, в эпоху Ренессанса, между культурой, стержнем которой служила вера, и культурой Нового времени, ориентированной на разум.

Нижняя временная граница Средневековья отделяла его от культуры поздней Античности, буквально пронизанной атмосферой скандальности. Начиная от первых десятилетий новой эры и до момента падения Рима количество скандалов в Римской империи постоянно росло. Если поначалу они проявлялись как единичные, хотя и резонансные эпизоды в жизни общества (примером чего являются провокационные поступки Нерона или Калигулы), то в период упадка скандальные действия приобрели массовый характер.

По иронии судьбы, обвинения в скандальности первоначально предъявлялись самим христианам. «Наиболее важные вехи истории нравственности были сопряжены с непониманием господствующего большинства, утверждали себя в конфликте с существовавшими нравами, сопровождались скандалами. Так было с Иисусом Христом, Нагорная проповедь которого ещё сотни лет оставалась скандалом после гибели её автора» [2, с. 35]. На протяжении нескольких первых веков своего развития христианство воспринималось как учение, бросающее вызов нормам и традициям.

Культура Античности была рационалистичной и прагматичной, и в то же время она не отказывалась от наслаждения и пользы как важных жизненных приоритетов. Христи-

анство с его приматом веры и готовностью принять мучение за идеалы, не подтверждённые разумом, казалось римскому сознанию определённым видом ненормальности. В христианстве, однако, была и своя притягательность, связанная с особым пониманием божественности и с требованием любви ко всем людям без исключения. Эти идеи, представлявшие поначалу странными, постепенно нашли свой путь к сердцам многих оглашённых, желавших стать частью единой христианской семьи. В Библии сказано об этом так: «Мы проповедуем Христа распятого: иудеям соблазн, эллинам безумие» (при этом в греческом тексте «соблазн» передается словом σκάνδαλον – «скандал»).

Пока христиане были малочисленной группой, они не вызывали опасений у окружающих. Однако по мере распространения учения власти империи не без причин усмотрели в христианстве угрозу господствующей морали и общественным устоям.

Попытки дискредитации учения сводились, прежде всего, к предъявлению его сторонникам обвинений в скандальном поведении. По свидетельству историков, в числе обвинений, направленных против ранних христиан, чаще всего назывались кровосмесительные оргии и ритуальное поедание младенцев [4, с. 181].

Власти не препятствовали распространению подобных слухов (а возможно иногда и сами служили их источником), хотя христиане (судя по текстам апологетов) постоянно требовали проведения объективных расследований, которые могли бы выявить истину и восстановить их репутацию. Тертуллиан с иронией писал: «Должно было бы расследовать всё то, в чём ложно обвиняют нас, а именно: сколько каждый из нас пожрал умерщвлённых детей? сколько при погашенных свечах уже совершил кровосмешений? какие были при этом повара, какие собаки? О, какая честь была бы судье, если бы он открыл того, который пожрал уже сотню младенцев!» [10, с. 317]. Впрочем, до официальных расследований власти старались не доводить, опасаясь признания слухов ложными.

На примере этих обвинений отчётливо прослеживается та цепь искажений и преувеличений, которая выступает немаловажным условием для разворачивания скандала: истина преподносится таким образом, что превращается в свою полную противоположность, сохраняя при этом некоторую правдоподобность.

Противники христиан отталкивались от реальных событий и фактов. Однако инфор-

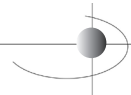
мация о них так искажалась, что она переставала соответствовать реальности и здравому смыслу. Толчком для возникновения представлений о каннибализме была, видимо, ритуальная практика евхаристии (вкушение хлеба и вина как тела и крови Христа). Со знательно или из-за буквального восприятия слов о вкушении тела и крови эта практика была представлена как фактическое поедание плоти. Ради дополнительной драматизации ситуации и разжигания ненависти к христианам главными жертвами этой практики были объявлены безвинные младенцы.

Что касается оргий, то первоначальным толчком к обвинению в них, вероятнее всего, стала извращённо понятая заповедь любви и общие вечерние трапезы христиан (т. н. агапы). Христианскую жертвенную любовь к ближнему обвинители в силу узости своего кругозора искажённо трактовали как эротическую любовь. В заблуждение язычников вводило и обращение всех христиан друг к другу как к братьям и сестрам. В итоге после череды ошибок, преувеличений и ряда смысловых сдвигов христианская любовь была переинтерпретирована в виде практики инцестов.

Необходимо отметить ещё одну важную особенность скандализирования христианства: обвинения, обращённые к нему, по форме совпадали с обвинениями, предъявлявшимися в то же время или ранее другим маргинальным группам – например, евреям, якобы употреблявшим кровь младенцев, или дионисийским сектам, практиковавшим оргии. Противникам христианства не было никакой нужды придумывать особые способы дискредитации: достаточно было использовать простые и понятные массам схемы, ранее успешно опробованные и уже доказавшие свою эффективность. Такое сведение нового, сложного и непонятного к простому и хорошо известному облегчало задачу дискредитации «чуждых» групп. По иронии судьбы, получив власть, уже сами христиане использовали те же схемы для борьбы с оппонентами.

Триумфальное распространение христианства, впрочем, показало, что дискредитация путём разжигания скандалов не всегда способна достичь поставленных целей. Более того, в переломные эпохи крупные скандалы могут вызвать интерес к дискредитируемым группам, а явная абсурдность обвинений способна подорвать доверие к тем, кто эти обвинения выдвигает.

Не меньшее количество случаев публичного нарушения норм фиксировалось и на верхней временной границе Средневековья – в период перехода к Новому времени.

Одним из ярких примеров очередного упадка культуры стали скандалы, связанные с образом жизни и поступками высших церковных иерархов. Так, Балтазару Коссе, избранному папой в начале XV столетия, вменяли в вину отравление предыдущего папы, изнасилование сотен монахинь, инцест, содомию, пытки тысяч невинных людей, пиратство и т. д.; при этом ряд деяний был объявлен настолько ужасным, что их даже не решились огласить публично [7]. Хотя очевидно, что большая часть обвинений была сфабрикована оппонентами, нельзя отрицать и того, что реальная жизнь иерархов в это время мало соответствовала проповедуемым ими идеалам нестяжания, целомудрия и всепрощения. М. Лютер сравнивал современное ему общество с периодом упадка империи: «Римская курия вконец развращена и отравлена, это чудовищное смешение всех мыслимых распутств, кутежей, плутней, амбиций и низких злодеяний. Рим бесчинствует сегодня так же (если не больше), как и во времена цезарей» [8, с. 84].

Таким образом, и во время упадка Рима, и в эпоху Возрождения процесс смены ценностей и культурных ориентиров сопровождался бесчисленными скандалами. Что же касается самого периода Средневековья, то на всём его протяжении скандалы были явлением редким и по своему значению совершенно несопоставимым с бесчинствами на его границах.

Необходимо отметить, что у средневекового времени имелись не только внешние, но и внутренние (календарные) границы, пролежавшие между циклично сменявшимися друг друга периодами официальной и праздничной жизни. Чёткие границы между официальным и неофициальным – характерная черта Средневековья, отличавшая его от Нового времени. На границах официального времени оформился феномен смеховой, неподцензурной культуры. Карнавал был интегральной частью средневековой жизни, а скандальность – частью карнавала, обеспечивавшей его динамику и изменчивость и способствовавшей переворачиванию иерархий и развенчанию священного. Впрочем, карнавальное нарушение норм было не скандалом в полном смысле этого слова, а скорее его ритуальным разыгрыванием с целью разрядки социального напряжения.

Границы культурного *пространства* Средневековья проходили по линиям его столкновения с чужими традициями, как реальными, так и воображаемыми.

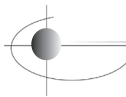
Представления о чужом в средневековом мировоззрении не отличались от фантастических рисунков переписчиков на полях книг: они имели мало общего с реальностью и конструировались в виде образов, нарушавших все мыслимые нормы. К. Леви-Стросс отмечал, что в традиционном обществе «разнообразие культур редко представало людям в качестве того, чем оно является, – естественного феномена, проистекающего из прямых или не прямых отношений между обществами. В нём видели скорее нечто чудовищное, скандальное» [5, с. 328].

Воображаемые обычаи и образ жизни народов чужих стран самым невероятным образом отличались от привычных: «В диковинных странах жили пигмеи, которые сражались с журавлями, и великаны, воевавшие с грифонами. Верили, что там обитают люди со ступнями, повернутыми назад, и с восемью пальцами на каждой ноге; существа, которые ложатся на спину и поднимают вверх огромную единственную ногу, чтобы спастись от солнца; безголовые монстры с глазами на животе» [3, с. 12].

«Чем меньше представители разных групп общаются друг с другом, тем больше предрассудков они имеют, – полагает Н. Д. Субботина. – Предрассудки являются обоснованием дискриминации» [9, с. 65]. Конечно, представления о соседях, которые жили в непосредственной близости к Европе и которых время от времени можно было встретить воочию, были не столь фантастичными, как описания жителей экзотических стран. Однако они были не менее предвзятыми. Основной причиной необъективности таких представлений было стремление поддержать единообразие в поведении, перекрыв для этого все возможности чуждых влияний на традиционную культуру. Поскольку именно воздействие ближайших соседей было наиболее ощутимым, для их дискриминации прилагались особые усилия. Негативное отношение к традициям и образу жизни соседей основывалось как на сознательной дезинформации, так и на заблуждениях, связанных с ксенофобией и узостью кругозора.

Поскольку в физическую монструозность ближайших соседей сложно было поверить, основным объектом неприятия были их моральные нормы. Их поведение описывалось как распущенное, агрессивное, шокирующее, то есть в полной мере скандальное. Наиболее непримиримую позицию христианская культура занимала по отношению к иноверию. В Европе на всем протяжении Средне-

вековья культивировался негативный образ приверженцев иных религий. Как правило, им приписывали многобожие, идолопоклонничество и прочие черты, которые не всегда отражали действительное положение вещей, а были сконструированы в виде простой оппозиции христианству.

У культурного пространства Средневековья так же были не только внешние, но и внутренние границы, которые проходили по линиям столкновения догматов официальной культуры с теми практиками и взглядами, которые отличались от общепринятых. В списке этих практик особое место занимали ереси и ведовство. При описании образа жизни еретиков или ведьм официальная культура не пыталась быть оригинальной и пользовалась теми же схемами, что и при описании жизни иноверцев.

О жизни и учении еретиков и колдунов большая часть народа, как правило, узнавала из искажённых слухов, устных рассказов или церковных проповедей. Известия о том или ином скандальном происшествии постепенно распространялись, обрастая фантастическими подробностями и преувеличениями. В итоге в общественном сознании, а затем и в фольклоре, закреплялся предельно скандализированный образ чужого. Мифы, легенды, сказки, эпические сказания изобилуют описаниями колдунов, ведьм, которым приписывали злокозненные действия, предъявляли обвинения в связях с нечистой силой, обличали в тайных заговорах против истинной веры и т. д. Эти обвинения поддерживались церковью и властями, заинтересованными в подавлении чужого и сохранении стабильности в обществе, а значит, и своего привилегированного положения в нём.

Главную опасность скандального поведения в традиционной культуре усматривали в его способности служить дурным примером для широких масс. Такое понимание скандала соответствует изначальному значению греческого слова *σκάνδαλον* – «соблазн, искушение, ловушка» – и практике его употребления этого слова в Библии. Всякое скандальное поведение признавалось предосудительным, поскольку оно способно было «соблазнить одного из малых сих», т. е. поколебать уверенность людей в незыблемости общепринятых норм, привести к разногласиям между ними и разрушить единство коллектива.

Не только поведение, дискредитирующее веру, воспринималось как скандальное, но и сами скандальные действия, в свою очередь, часто интерпретировались как индикатор без-

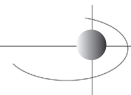
верия и аморализма их виновников. По этой причине обвинения в подобных действиях активно использовались церковью и властями для дискредитации тех групп, которые представлялись им опасными.

Очевидно, что в эпоху Средневековья реальное поведение чужих соответствовало этим обвинениям примерно так же, как евхаристия соответствовала каннибализму. Разрушительное влияние чужих групп на христианство также было серьёзно преувеличено – вплоть до конца Средневековья их возможности были несопоставимы с возможностями церкви. Однако светские и духовные власти (так же, как и римские чиновники ранее) были заинтересованы в демонизации чужих и распространении слухов об их скандальном антиповедении. Это превращало чужих в своеобразный жупел, в напоминание всем добропорядочным христианам о том, как не следует себя вести. Преувеличение опасностей, исходящих от чужих, также способствовало мобилизации народа, обеспечивало его единство перед общим врагом, а в периоды бедствий агрессию народа легко можно было перенаправить с властей на чужих, иницировав «охоту на ведьм».

Власть и церковь нуждались в чужих и использовали их в своих интересах, не будучи при этом прямо заинтересованы в их уничтожении. Скандализация поведения чужих служила средством общественной консолидации и сохранения идентичности.

Средневековая культура при всём её желании не могла пресечь все внешние влияния. Без постоянных критических отсылок к чужому она не сумела бы осознавать и поддерживать свою идентичность. Только на контрасте с чужим и лишь в ходе его скандализации средневековая культура сохраняла себя как целое. Пространство «маргиналий» было необходимо ей как поле борьбы с чужим, на котором она должна была постоянно самоутверждаться. Без этой борьбы, без постоянного подтверждения границ, культура не имела бы достаточных стимулов для самосохранения.

Значение границ для культуры описано М. М. Бахтиным, полагавшим, что точки роста культуры находятся не в центре, а на её маргиналиях: «Каждый культурный акт существенно живёт на границах: в этом его серьёзность и значительность; отвлечённый от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 282].

Для традиционной культуры граница – единственно возможное пространство для появления нового, изменения и развития. На ней постоянно сталкиваются смыслы и разрушается всякая определённости. Только в этом пространстве право скандала на существование могло быть признано. Более того –

только здесь он и мог реализоваться в полной мере, поскольку всякий скандал, по своей сути, является трансгрессией – нарушением официально предписанных границ. Поэтому в эпоху Средневековья границы культуры были единственным и естественным пространством, где скандал мог существовать.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собр. соч. М.: Русские словари. Т. 1. 958 с.
2. Гусейнов А. А. Аксиология скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 28–43.
3. Даркевич В. П. Аргонавты Средневековья. М.: Университет, 2005. 258 с.
4. Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. 320 с.
5. Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.
6. Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
7. Парадис А. Жизнь и деятельность Балтазара Коссы. Папа Иоанн XXIII. Л.: Экслибрис, 1991. 224 с.
8. Соловьёв Э. Ю. Непобежденный еретик. М.: Молодая гвардия, 1984. 288 с.
9. Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: ЛЕНАНД, 2014. 208 с.
10. Тертуллиан. Апологетик // Отцы и учителя Церкви III века. Антология. М.: Либрис, 1996. Т. 1. 378 с.

References

1. Bakhtin M. M. K voprosam metodologii estetiki slovesnogo tvorchestva // Sobr. soch. M.: Russkie sloviri. T. 1. 958 s.
2. Guseinov A. A. Aksiologiya skandala // Skandal kak forma kommunikatsii. M.: Izd-vo SGU, 2012. S. 28–43.
3. Darkevich V. P. Argonavty Srednevekov'ya. M.: Universitet, 2005. 258 s.
4. Dodds E. R. Yazychnik i khristianin v smutnoe vremya. SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2003. 320 s.
5. Levi-Stross K. Put' masok. M.: Respublika, 2000. 399 s.
6. Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevnei Rusi. L.: Nauka, 1984. 295 s.
7. Paradis A. Zhizn' i deyatel'nost' Baltazara Kossy. Papa Ioann XXIII. L.: Ekslibris, 1991. 224 s.
8. Solov'ev E. Yu. Nepobezhdennyi eretik. M.: Molodaya gvardiya, 1984. 288 s.
9. Subbotina N. D. Suggestiya i kontrsuggestiya v obshchestve. M.: LENAND, 2014. 208 s.
10. Tertullian. Apologetik // Ottsy i uchiteli Tserkvi III veka. Antologiya. M.: Libris, 1996. T. 1. 378 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2015